

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ · ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ОБЩЕМУ
И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1988

Цикл докладов был посвящен специально проблеме этимологии слов или отдельных служебных морфем в алтайских языках: К. М. Мухомеджанов — Ташкент, Ш. В. Габескирия — Тбилиси, А. В. Бовин — Ленинград, Ш. З. Бахтияев — Баку. Х. Шайнхардт (ФРГ) в докладе «Народная этимология турецких топонимов и их лингвистическая классификация», опираясь на фольклорные материалы, установил три этапа адаптации турецким населением греко-византийских топонимов и пришел к выводу, что предложенный им метод применим также для анализа тюркской топонимии Центральной Азии. Ряд болгарских и бурасских слов в средневековых мусульманских исторических памятниках проанализировал И. Г. Дордоев (Москва).

На сессии широко обсуждались текстологическая проблематика и вопросы, связанные с историей письма и изучения памятников письменности. В пленарном докладе А. Рона-Таша (ВНР) было рассмотрено происхождение и развитие восточнотюркского рунического письма. О. Ф. Серткая (Турция) в докладе, прочитанном на заключительном пленарном заседании, предложил новую интерпретацию спорных фрагментов рунического памятника в честь Тоньюкука. Д. Д. Васильев (Москва) и В. А. Семенов (Ленинград) ознакомили с последними находками руноподобных эпиграфических памятников в Туве.

Чл.-корр. АН УзССР Э. И. Фазылов (Ташкент) анализировал итоги и перспективы тюркской текстологии. Рассмотревались вопросы языковой принадлежности среднеазиатских и золотоордынских тюркских литературных памятников XIII—XIV вв. (Ш. Шукуров — Ташкент), изучения «северокавказского тюрки» XVI—XIX вв. (Г. М.-Р. Оразаев — Махачкала), преемственности лексики в рукописных словарях к сочинениям Алишера Навои (Б. Хасанов — Ташкент). Оригинальная интерпретация отдельных фрагментов древнетюркских памятников и произведений Ахмада Ясави содержалась соответственно в докладах Л. Ю. Тугушевой (Ленинград) и А. Бодроглетти (США).

Как обычно, в программе конференции входили и проблемно-информационные сообщения. Доклад Х. П. Фитце (ГДР) был посвящен вопросам использования ЭВМ при создании большого «Монгольско-немецкого словаря» на 40 тыс. слов. Л. Р. Рондевич (Москва) выступил с докладом «Корейский язык в алтаистических исследованиях». И. С. Семенов (Баку) осветил место алтаистической тематики на страницах журнала «Советская тюркология».

Живой интерес вызвали выступления Ченъ Вэй (КНР), рассказавшей об алтаистических исследованиях, ведущихся в Центральном институте национальностей Академии общественных наук Китая, и обзор работ узбекских ученых, данный в пленарном докладе директора Института языка и литературы АН УзССР Б. А. Назарова.

На заключительном пленарном заседании после докладов были заслушаны отчеты о работе секций и принят итоговый документ XXIX сессии ПИАК.

Состоялась церемония вручения Золотой медали ПИАК профессору Булапеттского Университета Карою Цегледи за цикл работ в области алтаистики. В состав нового комитета по присуждению Золотой медали ПИАК был избран советский ученый Б. А. Назаров.

С краткими речами выступили зарубежные гости: С. Лувсанвандан (МНР), И. Лауден-Кротаутас (США), Е. Боев (НРБ), О. Хирокиро (Япония), Ж. Какук (ВНР). Они выразили

глубокое удовлетворение тем, что конференция проходила в Узбекистане, где алтаистика «у себя дома» (Е. Боев), и благодарили ее организаторов, создавших прекрасные условия для широкого диалога ученых разных стран, а также ознакомления с материальными и духовными ценностями узбекского народа.

В заключительном слове проф. Д. Синор, выражая благодарность организателям XXIX сессии ПИАК, сказал, что надежды, возлагавшиеся на эту сессию, оправдались. Он еще раз подчеркнул, что международное сотрудничество не только двигает науку, но и создает взаимопонимание между государствами и народами.

Работа XXIX сессии ПИАК прошла в атмосфере дружеского сотрудничества, свободного и конструктивного обмена мнениями и поэтому, как отметил, закрытая сессия, чл.-корр. АН СССР В. М. Солнцева, она займет заметное место в истории ПИАК.

Участники XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции приняли обращение к ученым мира, в котором содержится призыв объединить усилия в борьбе за предотвращение ядерной войны, грозящей гибелью цивилизации человечества.

Галимова Г. А. (Москва), Насилов Д. М. (Ленинград)

ЛИТЕРАТУРА

1. Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. докл. XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (РЛАС). Ташкент, сентябрь, 1986 г. Т. I. История. Литература. Искусство. Т. II. Лингвистика. М., 1986.
2. Узбек тили ва адабиёти. 1986. № 4. (на русск. и узб. языках).

ИЗ ДОКЛАДОВ, ПРОЧИТАННЫХ НА XXIX СЕССИИ ПИАК

ИВАНОВ ВИЧ. ВС.

К ПРОБЛЕМЕ ТОХАРО-АЛТАЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Вопрос о вероятных алтайско-тохарских лексических связях был поставлен достаточно давно [1]. Но его решению препятствовала прежде всего недостаточная разработанность хронологии развития взаимодействующих языков — как алтайских, так и тохарского.

Рассмотрим суммированные в специальной статье венгерского алтаиста А. Рона-Таша [2] возможные тюрко-тохарские параллели:

Пратюрк. *altın «золото» предполагается сравнить с тох. В *эйшидо* «железо», *эйшвайё* «железный», тох. А *эйшвайё* «железный» (предполагается значение «металл», ср. также осет. *эндон* «сталь»). Можно думать, что речь идет о субстратном центральноазиатском названии выплавляемого металла, ср. хорезм. *лйш* «сталь» [3] со значением, близким к осетинскому.

Со стороны семантики, а также и формы конца слова наиболее близкое соответствие тюркское слово находит в чжурчжэньском *'an-č'ul* «золото» [4], которое представляет значительный интерес в силу данных о металлургии золота у чжурчжэней [5, 6].

Пратюрк. *beš «пять» выводится из тох. *V riš* < *reš «пять», тох. *A riš* «пять», и.-е. *renk²e. Сильная сторона этой тохарской этимологии числительного «пять» в пратюркском заключается в том, что внутри алтайских языков это числительное не получает объяснения [7].

Пратюрк. *biš «пахать маслом» сопоставляется с тох. *V reške* «масло» (семантически соответствует скр. *sarpiś-*). Но само тохарское слово скорее всего сблизжается с перс. *māšīk* «масло» [8] и является поэтому миграционным культурным термином. Тем не менее фонетически тюркская форма ближе к тохарской, чем к иранской.

Пратюрк. *bil «знать» сопоставляется с тох. *A, B rāišik* «думать», представляющим собой старую общетохарскую форму каузатива с суффиксом индоевропейского происхождения **-sk-* (случай, где этот суффикс еще в доисторическое время соединился с корнем, в тохарском не является единственным, ср. тох. *V ra-sk-*: лат. *rā-sc-ō* и т. п.). В тохарском А часть форм этого глагола образуется от основы *rāit-*. Согласно обычно принятой в тохароведении точке зрения, этот общетохарский глагол, как и, вероятно, ему родственный тох. *A, B rāik* «видеть» и тох. *A, B rālik* «листать», может быть соотношен с и.-е. **dhel-* «сиять». Но независимо от этих дальнейших объяснений тохарского глагола сближение с тюркским с семантической стороны хорошо обосновано. При принятии этой этимологии следовало бы думать, что слово было заимствовано в тюркский еще до слияния суф. **sk-* с корнем в тохарском.

Пратюрк. *šāik «тащить, тянуть» сближается с тох. *A tsāik-, tsāk-, šāk-, тох. B tsāik* «тащить, тянуть, вытаскивать». Как дальнейшие этимологические объяснения тохарского глагола, так и возможность его сопоставления с пратюркским зависят от весьма спорной проблемы объяснения начального тохарского согласного, который восходит к одному из палатализованных древних пратохарских дентальных.

Пратюрк. **kīy, quī* «день, солнце» давно уже было сопоставлено с тох. *A kor, B kalit* «день, солнце» [9]. Сопоставят и детали употребления этих слов (в частности, в мифологических и других специальных контекстах в сочетаниях типа «Солнце-бог» и т. п.). Хотя предполагаемое В. Винтером заимствование из тохарского в пратюркский кажется более вероятным, чем допускаемое А. Винденсом обратное направление воздействия, тем не менее вопрос не решен окончательно: во всяком случае этот тип названия «дня, солнца» (от предполагаемого и.-е. **keid-*) в индоевропейских диалектах явился бы исключительным и сам требовал бы объяснения если не заимствованием, то каким-то существенным изменением мифологических представлений.

Пратюрк. *ōt «трава» еще пронацелятельным Педереном [10] было сблизжено с тох. *A āti, тох. B ātiyai* «трава». В данном случае решение о направлении заимствования из тюркского в тохарский (а не наоборот, как полагал Рона-Таш) может считаться установленным, во-первых, потому что в тохарском при предположении древности слова следовало бы ждать палатализацию дентального согласного, во-вторых, потому что сопоставимые с тохарским индоевропейские ботанические термины соотносятся с культурными, а не дикорастущими растениями. Семантика этого тюркского заимствования в тохарский может представлять интерес для реконструкции той экологической сферы лексик, где вероятно были

заимствования в этом именно направлении (в тохарский из тюркского при большем числе слов, заимствованных в обратном направлении).

Пратюрк. *qarši* «дворец» в качестве культурного термина может быть сопоставлено с тох. *V ketiçe*, но происхождение самого этого тохарского слова остается загадочным: фонетически возможно сближение с индоевропейскими названиями «крепости, отроженного места», но они не являются единственными возможными объяснением.

Пратюрк. *tām «стена» сопоставляется с тох. *A šām, тох. B šām* «дерево», которое представляет собой диалектную специализацию значения древнего индоевропейского оглагольного имени, произведенного от корня «стоять». Принятие этого сближения могло бы иметь интересные следствия для изучения древнейших связей пратюрк и пратохар в сфере строения.

Пратюрк. **ōt(e)* «переднее почетное место (напротив двери)» объясняется как обычная при заимствовании специальной лексика специализация значения. Исходное значение сохранено в тох. *V tute* «дверь», и.-е. *dhutos (тохарское слово в формальном плане ближе всего к таким новмам мужского рода в диалектах типа славянского, как русск. *двор*, ср. также основы среднего рода на тематический гласный типа лат. *fortis*). Данное заимствование из тохарского в тюркский, представляющееся весьма вероятным, предполагает достаточно интенсивные связи в обрядово-социальной сфере.

Сопоставление пратюрк. *timen «десять тысяч» и тох. *A tmāt, тох. B tmāe, tmāte* «десять тысяч», давно уже вошедшее и в справочные издания (например, в связи с объяснением русск. *тыся* [12] и т. п.), тем не менее все еще нуждается в систематическом изучении всех связанных друг с другом форм — от иранских (в которых обычно ищут непосредственный источник тохарских) до восточноазиятских [13], где тохарский мог послужить перелаточным звеном.

Одним из исключительных сложных по перекрещивающимся этимологическим связям слов представляется пратюрк. *sōl «левый», обоснованно связываемое с тох. *A šālu* «левый», *šāluas* «слева», тох. *B šāluai* «слева» в качестве тохарского заимствования (типологически для заимствования названия «душной» левой, часто табулируемой и обозначаемой эфемизмами стороны можно привести много параллелей: например, в иберийско-романских языках соответствующее слово заимствуется из баскского и т. д.). Тохарское слово принадлежит к числу древних тохаро-лувийских изоглосс: оно родственно лув. *irāli/i-* «левый», сравнение которого с тохарским позволяет восстановить и.-е. **gherh²-(e)l-*, где начальное **gh-*, в тохарском перед гласным переднего ряда палатализующееся, в лувийском закономерно исчезает. Вместе с тем в древних неиндоевропейских языках Перелней Азии встречается и вероятное заимствование из и.-е. *satəm*-ной формы этого слова: хуррит. *šarhali-* «левый». Что же касается тунгусо-маньчжурских языков и корейского, в них также можно искать возможные следы индоевропейских влияний, во всяком случае кор. *šwe* обнаруживает явное и далеко идущее сходство с тохарским, что представляет собой интерес ввиду наличия ряда других тохарско-корейских параллелей. Н. важнейшим из них относятся: кор. *raul* «год»: тох. *A rikāl, тох. B rikāl, rikul* «год»; кор. *malme* «чувство»: тох. *B maim* «чувство».

Несколько фонетически и семантически вероятных пратюркско-тохарских сближений касается форм с начальным **u-*:

Пратюрк. *uam* «путь» сопоставляется с тох. *A uōm* «след» (что же касается тох. *B uōiŋa* «дорога», в нем, как и в тох. *A uōi*, видят прямое

